

КОНТУР ВРЕМЕНИ

Рина Зеленая

Разрозненные страницы

Москва
Издательство АСТ

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
348

В работе над книгой принимала участие
Злата Старовойтова

Предисловие *Василия Ливанова*

В книге использованы фотографии
из архивов Юрия Хмелецкого, РИА Новости,
Киноконцерна «Мосфильм» и фондов Российского
государственного архива литературы и искусства

Зеленая, Рина Васильевна

348 Разрозненные страницы / Рина Зеленая; предисл.
В. Ливанова. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
448 с. — (Контур времени)

ISBN 978-5-17-108149-2

Рина Васильевна Зеленая (1901–1991) хорошо известна своими ролями в фильмах «Весна», «Девушка без адреса», «Дайте жалобную книгу», «Приключения Буратино», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» и многих других. Актриса была настоящей королевой эпизода — зрителям сразу запоминались и ее героиня, и ее реплики. Своим остроумием она могла соперничать разве что с Фаиной Раневской.

Рина Зеленая любила жизнь, любила людей и старалась дарить им только радость. Поэтому и книга ее воспоминаний искрится юмором и добротой, а рассказ о собственном творческом пути, о знаменитых артистах и писателях, с которыми свела судьба, — Ростиславе Плятте, Любове Орловой, Зиновии Гердте, Леониде Утесове, Майе Плисецкой, Агнии Барто, Борисе Заходере, Корнее Чуковском — ведется весело, легко и непринужденно.

УДК 82-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108149-2

© Р. Зеленая (наследники), 2018
© В. Ливанов, предисловие, 2018
© Киноконцерн «Мосфильм» (кадры из фильмов)
© РИА Новости
© ООО «Издательство АСТ», 2018

О Рине Зеленой

Раздается телефонный звонок, и я слышу знакомый, такой любимый с детства голос: «Извините, что я вас застала».

Этой придуманной ею фразой Рина Васильевна Зеленая обязательно начинала любой телефонный разговор.

Окружающих порой удивляло, когда некоторые молодые люди называли ее не по имени-отчеству, а просто — Рина. Но такое обращение к ней Рина установила сама. Люди, которые познакомились с Риной Васильевной еще в своем детском возрасте, должны были называть ее просто Рина, но на «вы». На «ты» ее звал только Никита Михалков, которого Рина Васильевна знала буквально с его рождения. Зачем она изобрела такую классификацию для обращения к ней — мне неизвестно. Я был подростком, когда моя мама представила меня Рине Зеленой: «Это Вася, ему десять лет». — «Десять лет! — воскликнула Рина. — Женя, дорогая, вы не успеете оглянуться, а у него уже вырастут усы».

В течение многих лет при каждой новой встрече Рина спрашивала меня: «А где усы? Я же обещала твоей маме, что у тебя моментально вырастут усы!»

Я давно ношу усы, и может быть подсознательно, благодаря Рининым настояниям.

Она любила изобретать всякие неожиданные фразочки «по случаю». Многие из них быстро утрачивали авторство, становились, как говорила Рина, «местами общего пользования».

На киносъемках часто можно услышать: «Кого ждем — сами себя задерживаем!»

Говорящие это даже не подозревают, что повторяют Рину Зеленую.

Эти веселые фразочки Рина вносила в тексты своих ролей: «У меня от вас каждую минуту разрыв сердца делается» или «Такие губы сейчас не носят» и тому подобные.

Еще Рина сочиняла уморительно смешные стихи. Так, для себя. Помню последние строчки стихотворения о кузнечике, которое она как-то продекламировала:

Зеленький кузнечик,
Кузнечик молодой,
Скачи скорей, кузнечик,
Скачи к себе домой!

В саду летают птички,
Все на тебя глядят.
И ведь никто не знает,
Когда его съедят.

Ее реакция на происходящее всегда была неожиданна, юмор — неподражаем.

«Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» снимались на киностудии «Ленфильм». Актеры-москвичи жили в гостинице. Как-то Рина позвонила из своего номера, чтобы узнать, какая сцена намечена к завтрашнему дню. Я ответил, что не знаю, мне никто не говорил. «В этой группе, — сказала Рина, — ничего никому никогда не говорят. Пора брать “языка”».

В ней жила огромной силы вера, что, несмотря ни на какие превратности жизни, все равно «все будет хорошо». И саму себя она представляла непременно участником этого «все хорошо».

Однажды, после запозднившейся съемки, мы с Риной спешили на вокзал к московскому поезду. Маленький студийный автобус мчался по пустому в этот час Невскому проспекту, прихваченному мартовским

ледком. Я сидел спиной к водителю. Рина устроилась в самом конце салона, напротив прохода. Вдруг из переулка вылетело такси и ударило наш автобус в бок. Удар был такой силы, что Рину выбросило из сиденья, она пролетела через весь автобус и рухнула ко мне на колени, обхватив мою голову руками. И что она в этот момент выговорила? «Спокуха — я с вами!»

Книгу своих воспоминаний Рина Васильевна Зеленая назвала «Разрозненные страницы». На этих самых страницах автор воссоздала наиболее важные и дорогие ей эпизоды ее большой, насыщенной событиями жизни. Какое разнообразие лиц — и каких лиц! Какое богатство впечатлений! Но главное в этой книге, конечно, сама Рина Зеленая. Эти, как бы разрозненные, страницы объединяет цельность ее уникальной, талантливейшей личности, ее неподдельная доброта и прозорливое внимание к людям, к окружающему, быстро меняющемуся миру.

Мы как бы заново знакомимся с такой, казалось бы, знакомой и любимой нами Риной Зеленой. Еще одна, последняя незабываемая встреча!

Первое издание своей книги «Разрозненные страницы» автор надписала мне так: «Всё в порядке, мистер Шерлок Холмс? Рина Зеленая. XX век».

Всё в порядке, милая Рина. Всё будет хорошо. Только без вас временами так грустно!

*Василий Ливанов,
народный артист России*

Унывна осени пора,
Но день сегодняшний прекрасен:
На небе волны серебра,
И солнца диск блестящ и ясен.
Н. Гоголь

Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью.
Е. Баратынский

Вокзал

Вот я, например, терпеть не могу воспоминаний. Дневники — это правильно, это удивительно важный, мне кажется, литературный документ. И письма тоже. Михаил Кольцов мне как-то объяснял, что каждый человек должен по возможности записывать что-то о себе и о том, что кругом происходит. Даже если записывать, сказал он, ежедневно только погоду, эти записи — клад для тех, кто будет жить гораздо позднее. Правда, он ведь не знал, что спутники будут делать это лучше, чем люди.

Но воспоминания — это очень условно. Про то же самое один помнит одно, другой — совершенно другое.

Даже школьные годы не люблю вспоминать, когда пожилая тетка, совсем чужая, неузнаваемая, набрасывается на тебя, целует и в восторге начинает: «А помнишь?! Ты помнишь?!» А я ничего не помню.

А если иногда сам захочешь вспомнить что-то прекрасное, далекое, важное, вдруг неизвестно откуда наплывает совсем иное, страшное, о чем не хочешь ни думать, ни вспоминать.

Просыпаюсь как от толчка. Открываю глаза. Нет, я не сплю, я просто закрыла глаза, чтобы не видеть огромных окон этого страшного вокзала. Мы стоим или едем? Нет, мы уже не в поезде, а внутри вокзала. Как мы сюда попали — мама, сестра и я? Мы долго ехали из Москвы в набитом людь-

рина ЗЕЛЕНАЯ

ми вагоне. Поезд то шел, то останавливался. Но вот он остановился совсем; рано, на рассвете. Лютый мороз снаружи. Холодно в вагоне.

Потом пришли какие-то люди и сказали, чтобы все выходили немедленно, что поезд дальше никуда не пойдет. Все начали бегать в разные стороны, чтобы узнать, что же с нами теперь будет дальше. Даже наша мама, всегда решительная в своем легкомыслии, вдруг испугалась, притихла и со страхом смотрит на нас. А за окошком бегают люди и кричат что-то друг другу. Пар изо рта у них выходит клубами, каждое слово — как облако. Какой мороз!

На станции можно было уже ничего не узнавать. Те, кто приехал сюда раньше нас на день или на неделю, сидели в вокзале группами, подальше от огромных, постоянно открытых дверей, или лежали на полу в сыпняке. И никто ничего не знал. Какие-то люди уползали в город — то ли найдут спасение, то ли нет. И пронизывающий, леденящий холод. Как было тепло в холодном вагоне!

Всего ужаса нашего положения я еще не понимала. Мне не приходилось раньше отвечать за семью. Хотя мы с сестрой были уже взрослые девочки, но домашние, папины и мамины, всегда зависели от родителей во всем и даже слушались иногда. Я только сумела понять и решить, что надо сидеть у самой двери, куда сильный ветер даже заносил снег, чтобы быть подальше ото всех. Все равно лютый холод: что снаружи, что внутри — минус двадцать пять градусов. У двери никто не сядет рядом. Страшно заболеть сыпняком здесь.

Мама, маленькая, скорчившись, покорно дрожит под платком без всяких жалоб. И не потому, что она поняла, что нельзя было схватить из дома в Москве двух девочек и везти их к отцу «куда-то на юг».

В Москве мама получила от отца старое письмо, которое, видно, где-то долго блуждало, валялось два-три месяца невостребованное. Отец обстоятельно писал из командировки, что его отправляют дальше, на юг, восстанавливать вещевые склады после разгрома белых, и звал нас к себе. Хотя определенного адреса у него пока нет, но он напишет позднее. Мама решила, что самое время ехать к отцу. Затолкав в чемоданы что попало, кроме теплых вещей (ведь мы едем на юг!), она велела мне добывать у начальства отца полагающиеся для проезда документы. Я храбро взялась за это, получила все нужные бумаги, неведомые мне дотоле «литеры» и направление семье к месту работы отца. Денег мне почему-то не дали. Но маму это не смутило ничуть: «Как-нибудь доберемся». И вот мы сидим. Мы уже не мерзнем, мы замерзаем. Я с ужасом смотрю на посиневшее лицо сестры, хватаю ее маленькие леденящие руки, растираю в своих замерзших ладонях.

Темнеет в вокзале. Гулкие звуки шагов теряются в высоких темных сводах. Где-то промелькнет фонарик, и станет еще темнее.

Опять пришли люди с носилками. Уносят кого-то, кто замерз, или того, кто кричит в жару сыпного тифа. Гулкие шаги. Очень страшно. Расталкиваю маму — спать нельзя: замерзнешь — унесут на носилках. Мне надо встать во что бы то ни стало. Нет, не встану: ноги в старых холодных ботинках (кто-то дал их мне еще в вагоне) будто примерзли к каменному полу, страшно больно.

Прежде чем я что-то услышала, осветился кусок стены. Потом откуда-то голоса. Громкие, решительные. Шаги. И свет приближается, яркий еще издали. Какие-то люди в военной форме проходят по другой стороне громадного зала. Проходят. Сейчас уйдут навсегда. Встать во что бы то ни стало. Сейчас,

рина ЗЕЛЕНАЯ

пока можно догнать... Вскакиваю на стеклянных ногах, бегу, догоняю. Безднажно кричу:

— Послушайте!.. Остановитесь!

Люди замедляют шаги, освещают меня фонарем. И вдруг один из них пристально смотрит на меня. Он из Москвы и как-то видел меня в гостях у своих родных. И почему-то случайно запомнил.

— Что вы тут делаете, девочка?

Заикаясь, рассказываю. И вдруг чудо, как в кино: нас подбирают, ведут по бесконечным, обледенелым, заснеженным путям огромной территории харьковского вокзала. И почему-то мы спасены.

Тиф меня настиг позднее...

Вообще, дорогой читатель, я лично тебе эту книгу читать не советую. (Это, конечно, шутка. На самом деле я только и мечтаю, чтобы ты прочел все страницы до конца.) Вины моей нет, что я писала эту книжку. Поверишь ли, я сопротивлялась много лет, как могла, и никогда не думала, что сдамся. Но просили мои зрители, те, кто видел меня в фильмах или концертах, они были так добры ко мне, смею сказать, что они любили меня, прямо как будто я им родственница. Происходило это, может быть, потому, что всю жизнь я рассказывала им о детях.

Когда мои выступления стали передавать по радио, в редакции приходило много писем от взрослых. Дети не выступали тогда по радио. Вообще они не были в такой моде, как сейчас, когда они выступают как чтецы-исполнители, докладчики, комментаторы, дикторы, поздравители, разъяснители. Все удивлялись, услышав голос маленького ребенка по радио. Учительница, жившая в одном из отдаленных уголков страны, взволнованно писала: «Я включила приемник с опозданием и не слышала имени малыша, который так чудесно читал стихи. Это было необычайно. Я прошу вас немедленно

написать, в чьих руках находится воспитание этого талантливого ребенка».

Мир ребенка был темой всей моей жизни. Дети присылали мне письма, рисунки, разговаривали со мной, а я потом рассказывала о них взрослым. Это всегда воспринималось зрителями с волнением и глубоким пониманием. И, встречая на улице людей, улыбающихся мне как-то особенно ласково, я понимала, что это их любовь к детям частично переносится на меня и что луч этой любви озаряет мою работу.

Поэтому зрители, мамы и дедушки, писали и писали в редакции и просили что-нибудь рассказать обо мне — откуда я взялась и зачем. И тут уж редакциям пришлось присылать ко мне корреспондентов и строго требовать от меня всех этих сообщений.

Есть вещи, которых человек иногда преодолеть не может. Я, например, не умею давать интервью. Да к тому же журналисты приходят с ящиком и микрофоном и суют его тебе под нос. Нет, это я написала грубо. По-правдашнему — это их работа. Они, бедные, ведь должны узнавать о людях, спрашивать, записывать, а потом рассказывать всем то, что они узнали. А я, как увижу микрофон, начинаю заикаться и говорю не то, что хочу. И когда смотрю по телевидению, как другие люди отвечают на вопросы, думаю, что они тоже мучаются. Ну зачем спрашивать Майю Плисецкую, что именно она выбрала бы, какую профессию, если бы не была балериной! А для чего ей об этом думать, если она уже Плисецкая? Или спрашивают В. Коккинаки, кем бы он хотел быть, если бы не летал. А он — летчик-испытатель, который «учит» самолеты летать. Он испытывал все до одного самолеты Ильюшина. Их, братьев Коккинаки, было пять, и все — летчики.